

Татьяна Рубцова

Выбор

18+

Книга 2

Точка невозврата

8+ ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

Татьяна Александровна Рубцова
Выбор. Книга 2.
Точка невозврата

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63705201

SelfPub; 2021

Аннотация

Точка невозврата – это критический рубеж, переступив который, назад вернуться нельзя. И ничто не может оправдать убийцу.

Татьяна Рубцова

Выбор. Книга 2.

Точка невозврата

ДИСКЛЕЙМЕР

Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно

Я бы очень хотел написать, что все события и герои моей книги настоящие, но мое чувство самосохранения решительно против.

«Здравствуй, Витя, – писала Андрею Кореневу в колонию Ольга. – Я работаю в магазине и могу даже носить домой продукты. Живем мы не плохо. Маме я звоню два раза в месяц. Там все хорошо. Ириша уже умеет читать и считает до 20. Букву «Р» она говорит уже четко и так звонко. Мы переехали в другое место, живем на окраине Москвы, в общежитии. Адрес я тебе посылаю на конверте. Жаль только Олегу ездить приходится далеко в колледж. О нас не переживай. Деньги от тебя получили. Не надо, не присылай больше. Тебе самому там трудно. Я слышала, у вас положены встречи с близкими. Я приеду, только напиши, когда.

Не понимаю, почему ты не хочешь, чтобы мы вернулись

в Фергану?

Олегу учиться осталось два года. А потом мы можем уехать. Все равно тебе придется ехать туда».

На что Андрей отвечал:

«Привет. Как Одуванчик? Я скучаю по вам всем. Знала бы ты, как я по вам тоскую. От денег не отказывайся. Я здесь неплохо зарабатываю, ремонтирую машины начальству. За хорошее поведение мне обещали досрочное. Уезжать не торопись. Главное, вовремя оформляй прописку. Приезжать на свидание не обязательно, у тебя и так с деньгами туго».

Ольга работала в магазине, звонила матери и писала Андрею. Жили они с Олегом в одной комнате, в общежитии, а к подмосковной квартире Олега боялись и подойти, считая ее потерянной и легко смирившись с этой потерей. На работе Ольга уже научилась обвешивать и обсчитывать, обрезки несла домой, этим они и питались.

Магазин, где работала молодая женщина, был довольно большой, в нем работало 5 девушек и один парень, родственник хозяина. Продавалось в нем все: от мясных изделий и печеного, до фруктов и овощей. И естественно, у магазина была «крыша», собиравшая раз в неделю дань продуктами и раз в месяц – деньгами.

Но что-то там прохудилось и однажды, в неурочное время в магазин вошли незнакомые парни в коже, джинсах и толстых цепях на мускулистых шеях.

Поговорив недолго с директором, они обслужили себя са-

ми, потолкали в карманы консервы, набили пакеты колбасой и убралась, пообещав вернуться завтра.

Директор надел на телефон, ища своих покровителей, а те как в воду канули. Он метался, трясся и умирал от страха перед завтрашним днем. И этот день настал.

Продавщицы были испуганны и взвинчены с самого утра, родственник хозяина не вышел, и Ольге приходилось разрываться между двумя прилавками.

Она как раз рассчитывалась с очередным покупателем и украдкой смела в свой пакет обрезки буженины, когда перед ней возник еще один покупатель в дешёвых брюках и футболке. Ольга недовольно подняла голову и увидела сведенные от ожога брови и синие, чуть кривящиеся губы.

– А... Витя!

– Ну, здравствуй, мать.

– Витя... Как? – Ольга быстро оглянулась и вынырнула из-под перекладины. – Как... ты...

Андрей поймал ее, оборачивающуюся на какой-то шум, и, жадно целуя в щеку, зарылся лицом в золотые волосы.

– Но тебя же...

– Плевать. Я удрал с поезда.

– Но как же...

– Амнистия, мать, амнистия. Я свободен!

– Но тебя же...

– Тише. Они меня посадили на Ташкентский поезд, а я удрал и прямо сюда.

– Но тебя же...

– Депортируют, мать, только депортируют. А покуда я с вами.

Ольга беспомощно оглянулась. Продавщицы не сводили с нее глаз, зная, какая она недотрога. Ольга, растерявшись окончательно, взглянула прямо в карие, с сумасшедшинкой, глаза Андрея, такие знакомые и теперь – близкие.

– Господи, неужели ты вернулся. Не могу поверить.

И Андрей сделал то, что никогда раньше не делал. Быстро склонившись, он впился синими изуродованными губами в ее накрашенные дешевой помадой губы, впился яростно, жадно, изголодавшись, хватая зубами ее язык.

– Мать вашу! Как вам не совестно!

Андрей оторвался от испуганной Ольги. Директор магазина стоял в проходе и гневно смотрел на них. Его маленькие заплывшие глазки извергали молнии. Заведующая вышлась за его спиной непоколебимой стелой.

– Бесстыжая!

– Развратница!

Заговорили они одновременно. Но грохот упавшей на крыльцо плевательницы прервал их, и в раскрытые двери вломилась пятеро парней, нежеланных, но ожидаемых, крепких и переполненных агрессии. Походя, один из них грохнул обрезком железной арматуры по витрине и стекло расколосось и рассыпалось по асфальту. Покупатель, заглянув было в дверь, бросился вон, и в торговом зале оста-

лись только продавщицы, Андрей, директор, его заведующая и пятерка отважных, вооруженная обрезками арматуры и гирьками на цепях.

Женщины вскрикнули, директор сомлел, только Андрей смотрел скорее с любопытством.

– Уйди, Витя, – прошептала немеющими губами Ольга. – Они страшные.

Андрей молчал, не двигался и только смотрел, и Ольга оставила его, стараясь уже за него спрятаться. Четверо парней крушили и ломали все, пока пятый, подойдя к директору, испытующе и нахально смотрел ему прямо в глаза.

– Ну и где твоя «крыша»? Думал нас прокатить?

– А это еще что за реклама мужской красоты, – проговорил один из четырех, останавливаясь перед Андреем и небрежно помахивая железным обрезком. – Мистер Россия, что ли? Ну и Паленый.

И Андрей ударил его. Ударил со всей яростью, что накопилась в его душе за эти годы. Парень весом в сто килограмм и ростом в метр девяносто, подлетел в воздух, с силой врезался в пол, немного изогнулся и застыл недалеко от разбитого стекла, чуть повернув бритую голову и широко раскинув руки. Андрей мгновенно поднял с пола обрезок арматуры и шагнул к оставшимся.

Он бил так, чтобы сразу выключить, сломить и раздавить. Легко увернувшись от цепи с гирей и разбив голову нападавшему, он отбил руку с кастетом, раздробил плечо, превра-

тил лицо в кровавое месиво. Троиш Андрей уложил быстро. Четвертого он выкинул с поломанной рукой и сотрясением мозга, потом подобрал пятого, который стал приходить в себя, подтащил к двери и спустил с крыльца на асфальт.

Никто из пятерых не был способен к сопротивлению. Андрей стоял и, постукивая обрезком арматуры по ладони левой руки, смотрел, как один из них подогнал выдавший виды «Форд», как парни вчетвером погрузили туда так и не пришедшего в себя пятого с проломленной головой и уехали, ругая его на чем стоит свет.

– Что вы наделали! – со всей силой души воскликнул директор за его спиной. – Они же теперь...

Андрей повернулся, и директор сбился, смешался, отступил, и его бледное лицо стало покрываться багровыми пятнами. Он, гладкий и круглый, весь обмяк, одряб, и щеки его задрожали, как желе.

– Я должен поблагодарить вас, я...

– Катись.

– Вы же не уйдете?

Андрей обошел директора и подошел к Ольге.

– Что ты наделал! – сказала она. – Теперь тебя убьют!

– Плевать. Ты долго еще?

– До вечера.

– Я пойду теперь домой?

– Ты найдешь? Я говорила вахтеру о тебе.

– Олег где?

– Скоро придет из колледжа.

– Я подожду его. А вечером тебя встречу.

– Тут не далеко.

– Но... Подождите, не уходите, – директор торопливо обходил Андрея то с одного бока, то с другого. – Я буду платить вам. 300 долларов... 500... Только останьтесь.

Андрей даже не смотрел на него.

– Как дома? – спросил он у Ольги.

– Все здоровы. Ты голодный?

– Есть немного, – Андрей усмехнулся, и кожа натянулась на его скулах.

Ольга посмотрела на директора, отступившего от них на пару шагов и с беспокойством оглядывающегося, и дернула его за рукав. Вместе они вошли в магазин, подошли к ее прилавку, и Ольга, подняв доску, вошла вовнутрь, взяла свой пакет и, оглянувшись, воровато протянула Андрею.

Девушки вяло ходили по залу, собирая обломки и не обращали на них внимания.

– Вот, возьми, пообедаешь. Там еще на ужин. Иди.

Андрей взял пакет, но не торопился уходить, заглядывая в него. И в облике, и в характере у него появилось что-то чужое и агрессивное. Даже когда Ольга впервые увидела Андрея, этого в нем не было.

– Осторожно, если директор увидит, меня выгонят.

– Ну что вы...

Ольга вздрогнула и подняла голову. Директор стоял, пе-

регнувшись, и держал в руках разодранные упаковки с сосисками.

– Вот, возьмите, все равно пропадут. И пожалуйста, подумайте, что я вам сказал. Меня не интересует, кто вы и откуда взялись. Просто сидите и получайте деньги. Пожалуйста.

Директор почти всунул в руки Ольге сосиски.

– Да мы уезжаем, – проговорила та, прижимая их к себе. Она повернулась к Андрею, и он по-хозяйски подставил пакет.

– Куда?

– Домой, в Фергану.

– Жалко, очень жалко.

Ольга бросила в пакет сосиски, и Андрей взял его в одну руку, наклонился, поцеловал ее в щеку и вышел, перешагивая или обходя нагромождения обломков и обрывков.

– Олечка, – глядя ему в спину, проговорил директор. – Я хотел вам сказать, что повышаю вашу зарплату. Может быть вам не обязательно уезжать?

– Обязательно надо.

– Господи, что же тогда делать мне!

Девушки убирали, складывали, расставляли, и покупатели обходили этот магазин стороной. Приближался вечер. Директор продолжал звонить, искать, но все бесполезно. И вот вечером возле магазина остановилась машина. Пять молодых коротко стриженных мужчин спортивного вида, в коже и цепях, вышли из нее и пошли к крыльцу с зеленым ков-

риком у входа. «Добро пожаловать» радушно приглашала его желтая надпись. Молодые мужчины шагали, широко расставляя ноги и растопыривая руки, как это делают тяжелоатлеты, приближаясь к штанге. Как зло, которое нельзя избежать, поднялись они на крыльцо, сплевывая под ноги бычки.

– О, нет! – воскликнула одна из девушек и тут же присела за прилавок.

А первый из вошедших с ходу рванул на себя небольшой белый столик, поставленный там для сумок покупателей. И словно по сигналу четверка за его спиной выхватили из-под летних курток металлические штыри.

– Где же твой муж? – прошептала стоявшая рядом с Ольгой продавщица.

– Вот и хорошо, что нет. Долго что ли убить сейчас.

– Нет, нет, – закричал директор, шарахаясь от направлявшегося к нему парня. – Не трогайте меня.

– Где твой Паленый!

– Кто...кто?

– Паленый. Ты нанял его? Это твоя крыша?

– Ты... ты... ты о ком?

– Да нет же, – заведующая встала перед напиравшим. – Это муж одной из наших продавщиц. Мы его не просили. Он сам начал драку.

– Ого... – девушка поспешно отошла от Ольги. – Ну и выдала.

И та осталась стоять, одинокая, незащищенная, беспомощно

озираясь в поиске поддержки.

Парни направились к Ольге, все пятеро, разглядывая ее и ухмыляясь.

– Только не здесь, – крикнула заведующая. – Вы переколотите все стекло.

Первый из пятерки махнул через прилавок и, походя, смел с витрины стеклянные бутылочки «Фанты». Все они тут же разлетелись в осколки, и острый запах цитрусовых хлынул в зал.

– Дышите глубже, пролетаем Сочи, – глупо ухмыльнулся один из рэкетиров, а тот, что стоял за прилавком, быстро поднял отколотое горлышко одной из бутылок и, протянув руку, коснулся неровным сколом бледно матового горла Ольги, прижавшейся спиной к полкам.

– Паленый – твой муж?

– Что?

– Где Паленый? – осколок врезался в кожу.

– Нет. Не знаю.

– Узнаешь.

Тут сзади него произошло какое-то замешательство. Упал один из парней, потом отлетел другой.

– Значит вы ищите меня? – с насмешкой в голосе спросил Андрей, стоя в паре шагов от прилавка.

Третий парень замахнулся на него гирикой на цепи. Андрей увернулся, качнувшись вбок и ударил его ногой в плечо, потом, после разворота, в подбородок, и рэкетир, пере-

летев через прилавок, врезался в товар на средней полке и рухнул вниз, на осколки, осыпаемый консервными банками.

– Урою, падла!

Четвертый выхватил из рукава кожаной куртки нож с выскакивающим лезвием и чиркнул им в сторону Андрея.

– Назад, – взревел парень из-за прилавка, тут же швыря горлышко в сторону, ныряя рукой за пазуху и вырывая из заплечной кобуры пистолет. Тот, у кого был нож, отпрянул, а Андрей замер на месте. Ольга, оказавшись позади парня, державшего оружие, побледнела, нащупала позади себя оставшуюся бутылку «Фанты» и, когда парень уже нажимал на курок, швырнула очень тяжелую бутылку, словно гранату. Та с размаху врезалась в коротко стриженный затылок. Раздался выстрел, звон разбитого стекла, и рэкетир стал падать. А Андрей, быстро ступив в сторону, боковым ударом выбил нож из руки застывшего от растерянности последнего парня, тут же сбивая его с ног ударом ноги в грудь.

Парень за прилавком завис перед ним, медленно сползая вниз. Андрей успел задержать его, хватая за безвольное запястье и тут же – за ворот, рывком вырывал на себя, перехватывая за короткие волосы и с силой стучая его головой о деревянную раму прилавка и тогда только швырнул на пол, себе под ноги.

Один из парней стал подниматься, ничего не соображая. Андрей подскочил к нему, ударил в живот раз, другой и потом, согнувшегося, по шее и по почкам.

Больше уже никто не шевелился. Обводя всех взглядом, Андрей повернулся к Ольге.

– Что он тебе сделал? – с неприкрытой злостью в голосе спросил он.

– Ничего, – Ольга, трясущийся рукой, провела по горлу и посмотрела на ладонь. Та оставалась чистой.

– Его счастье, – Андрей мотнул головой и хмыкнул. – Опять пятеро. Это у них что, постоянная бригада? – он уже медленно и устало подошел к одному из них и пнул. – Пойдем, мать?

– Нет уже, вы не уйдете, – хозяин обежал его и встал впереди. – Теперь уже они убьют меня, и все из-за вас.

– Будет легче, если тебя убью я? – Андрей посмотрел на него так холодно и твердо, что мужчина, отступил, белея и съёживаясь.

Ольга несколько его не жалела. Она подошла сзади к Андрею и взяла его под руку.

– Пойдем домой, ладно, – попросила она.

– Пойдем, мать, – Андрей вывернул у нее руку и обнял за талию.

– Я должен сказать тебе спасибо, – прошептал он, спускаясь с ней по крыльцу.

– За что?

– Ну... ты же спасла меня. Опять спасла.

– Я... это... сама не знаю. Я испугалась.

– Все бы так пугались, меньше бы мрази было.

– Идем скорее. Надо уезжать отсюда.

– Из-за них? – Андрей покосился на машину. – Ничего себе машинки имеют, правда?

– Если ты попадешь в милицию, подумай, что будет.

– Точно. Мне просто дико повезло, что я еще жив. Докопайся они до всего... Как они не сравнили отпечатки. Вот тебе и компьютер.

Они шли вдвоем по темной улице, а в это время с проезжей части к магазину припарковался «Джип Чероки». Пятеро парней вышли из него с такими же обрезками арматуры, гирьками и кастетами. Они шли медленно, оглядывались, куря по дороге и настороженно глядя в открытую дверь магазина. Но оттуда не доносилось ни звука. Парни, не торопясь, поднялись по ступенькам, и вот первый из них наступил кроссовками на сдвинутый с места, наполовину загнутый, много повидавший за один день коврик. «Добро пожаловать» – все также радушно приглашал этот шедевр артауса в ширпотребе. И парни пожаловали, один за другим проходя в широко открытую дверь.

Они были рэкетеры, вымогатели, и дань им приходилось платить не маленькую. Но когда директор увидел их, он сорвался с места и, не смотря на свой вес и положение в обществе, бросился навстречу, обхватил первого же парня за плечи и уткнулся ему в грудь.

– Приехали, родные, наконец-то.

– Ну, вы, в натуре, сами, типа, – парень огляделся. – Кон-

кретно поработали. Да кто же это так?

– Мы, – скромно потупилась ближайшая девушка, и все дружно расхохотались. – Не верите?

Андрей с Ольгой шли по городу. Уже стемнело, но Ольга почему-то ничего не боялась, сама уже обнимая парня и чувствуя всю его худобу и вместе с тем – силу, широкую кость, высокий рост и гибкость. Тот изредка поглядывал на нее искоса и слегка улыбался, рука его обхватывала ее плечи, поглаживала голую шею и снова обнимала, притискивая к себе.

– А ты крутая у меня, мать, – говорил он, и голос его звучал со смешинкой, такой знакомый и почти любимый.

– Что теперь будем делать?

– Уедем. Только не в Узбекистан. В Москве оставаться не стоит. Олежка бы закончил учебу.

– Он молодец. Учится хорошо.

– Слушался?

– Смешной ты, Андрей.

– Просто, кроме вас у меня никого нет, Оля – Оленька. Вот так. Ни хрена себе.

Андрей остановился, как вкопанный.

– Олег?

Ольга удивленно тоже остановилась, но Андрей уже, оставив ее, сорвался с места.

– Олежка? Ты что?

Парень, выросший за это время почти что с Андрея, обер-

нулся к нему, перемялся с ноги на ногу и обхватил набежавшего брата одной рукой.

– Ты что вышел, – прижимая его, говорил Андрей. – Вышел-то зачем, братишка? Поздно уже.

– Я думал, ты не вернешься. Ушел и так долго...

– Ну ты и пацанчик у меня, ну и пацанчик. Родной. Какой ты у меня пацан.

Ольга стояла, не доходя до них два шага и смотрела на них обоих: одного беглого, с изуродованным лицом, другого – калеку, и обоих таких молодых, которым еще жить и жить, и жизни они оба еще и не видели, но биты были так, как не каждый бывает бит во время самой страшной войны.

У Ольги защемило сердце и за них, и за себя, тоже попавшую не на свое место и не в то время.

А Андрей повернулся к ней, смеясь фиолетовыми в свете окон губами.

– Давайте, ребята, прогуляемся на свежем воздухе, если вы не проголодались, конечно.

– Я – за, – подхватил Олег, смеясь может быть впервые за эти годы. – А ты – Оль?

– Ну, раз мужчины «за», куда мне деваться.

– А мать у нас мировая, правда? – Андрей шагнул к ней и притянул к себе. – Я люблю тебя, Оленька.

– Да ладно, Андрей, не на улице же. Все равно, на ужин сегодня яичницу хотела пожарить из разбитых яиц и сардельки сварить. Это я быстро приготавлию.

– Пойдет, мать. Только глазунью.

Оба брата любили только глазунью и ели ее одинаково и своеобразно: сначала обрезаая ножом белок, и в конце, напоследок, как лакомство – съедали желток.

Андрей обнял обоих и, прижав к себе, повлек их по тротуару. «Джип Чероки» остановился на проезжей части. Парень, похожий всё на тех же рэкетиров как брат – близнец: с бычьей шеей, в такой же кожаной куртки и цепях, вышел из машины, как раз наперерез Андрею. Тот резко остановился, стараясь собой закрыть брата и жену.

– Привет, – миролюбиво сказал парень, оценивая его взглядом. – Меня зовут Чико. Давай граба. Да без балды, в натуре.

Андрей, не спуская с него глаз, протянул руку. И парень, высокий и накаченный, стиснул его кисть со всей силой, но Андрей, худой и жилистый, не уступил.

– Ничего. Ништяк. Откуда в тебе сила такая, в Кошце? На крытке чалился?

– Было.

– Сколько?

– 2 года. Потом амнистия.

– Поехали, что ли?

– Куда?

– Тут авторитетные люди хотят с тобой потележить. Да не ссы, не на правилку зову.

– Витя, – позвала его Ольга неуверенно и со страхом.

– Телка твоя?

– Жена.

– А. Базара нет. Почапали что ли потиху. Там поляна уже накрыта, все культурненько.

– Подожди, – Андрей подошел к Ольге и Олегу. – Идите домой, я тут постою, посмотрю, как вы дойдете.

– Ты куда? – Олег тревожно схватил его за руку.

– Все хорошо, братишка. Это мой старый знакомый. По тюрьме. Вот встретились, поговорим и вернусь.

– Витя?

– Все, все, ребята. Все нормально, все под контролем. Идите.

– Тебе правда не опасно?

– Конечно. Давайте, давайте, я тут постою.

– Только не вмешивайся ни во что.

– Когда вернешься, брат?

– Я быстро. Обещаю, быстро. Идите.

Ольга и Олег повернулись, пошли, обернулись, потом снова пошли. Так они и дошли до подъезда, все время оборачиваясь и видя двух парней, стоявших плечом к плечу у въезда в тесный дворик, состоящий из четырех домов.

Машина остановилась возле сауны, и Чико по-хозяйски отодвинув охранника, ввел Андрея в небольшой зал, где за столом сидели и закусывали четверо мужчин, завернутых в простыни.

– Вот он, Кир, – Чико приостановился и подтолкнул вперед Андрея. – Мне идти?

– Подожди там...

Мужчины обернулись. Все они были среднего возраста и начинали полнеть и лысеть. Сидевший посередине толстеющий блондин, рельефные мускулы которого постепенно заплывали жиром, поманил Андрея. Он развалился в кресле и всем видом своим показывал, кто здесь настоящий хозяин.

– Значит, вот ты какой, Паленый. Был в крытой?

– 5 лет. Через два года вышел по амнистии.

– За что?

– Пользовался фальшивыми документами.

– А свои где потерял? – хохотнул второй мужчина, самый старший, длинноносый шатен, дородный и белотелый.

– Я перегонял машины из Германии.

– Краденые? – переспросил третий, меньше всех ростом, с острым неприятным взглядом, даже в сауне не расставшийся с толстыми очками в массивной оправе. Он был единственный, кто выделялся из общего стандарта и походил скорее на адвоката, чем на бандита.

– Да. Я это узнал уже потом, на суде.

– Странный ты, Паленый. Скрытный. Ну да ладно. Ты за нас подписался в «Арине», поэтому я хочу сделать тебе предложение... Как звать-то тебя?

– Виктор.

– А с ряхой что?

– В аварию попал. Горел.

– Как танкист? Да ты проходи, садись. Закусывай потиху.

Как же ты, такой худой, справился с десятерыми пацанами Бобра? У него братва не из слабых.

– Справился, – мрачно ответил Андрей и, не торопясь, сел.

В его жизни уже было такое: с ним говорили авторитетные люди. Потом он сел в тюрьму. Преступником он стал давно, в тот день, когда рука его впервые сжала рукоятку офицерского пистолета. Но если раньше он еще пытался все исправить, то теперь, после тюрьмы, сам искал подобных людей. Для него это был легкий заработок, и масса возможностей изменить свою судьбу.

Домой, в общежитие, он приехал в полночь. Зевая и сонно расправляя плечи, постучался в комнату к Ольге, едва добрался до ее постели и грохнулся, прямо не раздеваясь. От него слегка пахло спиртным и дорогим сервелатом.

И только утром он объявил Ольге, что нашел работу.

– Но, Витя... – Ольга, накрывавшая стол, села. – Где мы будем жить? Смотри, здесь же тесно.

– Без проблем, Оленька. Я теперь на хорошем месте. Придумаю. На работу сегодня не ходи.

– А документы?

– Без проблем. Все, мать, все путем. Я теперь вернулся. Будет еще праздник и у нас с тобой.

Почти не поев, только налегая на кофе, Андрей быстро

ушел. И исчез на целых два дня. Появился он на третий день, к вечеру, в магазине «Арина».

Увидев Ольгу, он направился прямо к ней, а Чико, вошедший с ним, свернул к двум парням, поднимающимся из-за столика в углу магазина.

– Привет, мать. Что вышла, я же сказал, чтобы наплевала.

Ольга молчала, глядя на него. Он изменился, одет был в новенькую кожу и черные облегающие джинсы, правда цепи на шее у него не было, но держался он уверенно и агрессивно.

– Поехали, я за тобой.

– Ты... я...

– Идем.

Директор, выйдя из кабинета, стоял и не мог подобрать слова, а Андрей мельком посмотрел на него и повернулся к Ольге.

– Он ничего тебе не должен? Кроме бабок?

– Паспорт.

– Неси, – Андрей посмотрел на директора с нескрываемым раздражением.

– Но...

– Неси.

Директор посмотрел на свою охрану, поймал их безучастные взгляды и торопливо повернулся назад.

Получив паспорт и расчет, Ольга с Андреем пошли к выходу.

– Чико, – свистнул Андрей и, повернувшись к подходявшему парню, сказал вполголоса: – А этим хватит бездельничать, завтра пусть возвращаются к Дреме.

Ольга, оглянувшись, с ужасом застыла на пороге, на котором был по-прежнему постелен коврик «Добро пожаловать».

В «Джипе», стоявшем прямо на площадке перед крыльцом, уже сидел Олег и стояла его сумка с учебниками и тетрадями. Андрей, подтолкнув Ольгу к нему, назад, а сам прошел к переднему сидению. За руль сел Чико.

– Проиграли что ли вчера наши? – начал Андрей, когда Чико выворачивал машину на проезжую дорожку.

– Ничья. 5:5. Ну и дали немцам.

– А все же ничью не разменяли.

– Да нет, нам там гол не засчитали.

Ольга смотрела на притихшего хмурого Олега, на Андрея, по-дружески разговаривающего с парнем, которого она считала бандитом, и страх затекал ей в душу ледяной струей.

Машина, проехав чуть ли не пол-Москвы, остановилась возле кирпичного кооперативного дома.

– Приехали, идемте, – Андрей открыл свою дверцу. – Спасибо, Чико, что подвез.

И Андрей, не торопясь, вышел, отпер другую дверцу и, взяв большую сумку, помог выйти Олегу.

Поднявшись на второй этаж, Андрей достал из кармана ключ и отпер квартиру. Большая, двухкомнатная, она была уже обставлена, правда довольно скромно.

– Ничего хатка, правда? – Андрей оглядел ее, словно видел впервые.

– Чья это, Витя? – спросил Олег.

– Я снял через контору.

– На какие деньги?

– Я же работаю.

– Где?

– Ну, попал под пресс, братишка.

– Можешь ничего не говорить.

– Да почему же? Я работаю водителем у одного богатенького.

– Правда?

– Век свободы не видать, – Андрей громко расхохотался, показывая, что шутит, но смех у него получился нервный, и это еще больше насторожило Олега.

– Но мне же на работу далеко, – начала Ольга.

– Ты больше не работаешь. Вот, мать, здесь 5 штук, на все про все. Разбирайтесь. Оденьтесь там и все такое.

Андрей небрежно бросил на стол пачку зелененьких и сел в кресло.

– Все, ребята, баста. Разбор полетов закончен. Давайте, похаваем, что ли?

Ольга все смотрела и смотрела ему в лицо, стараясь что-то уяснить для себя. И от ее взгляда Андрей заерзал, занервничал, поднялся и скрылся в ванной. Там, после душа, он долго смотрелся в запотевшее зеркало. Следы ожога на его

лице стали заравниваться, белые пятна уменьшались и только пара шрамов, сведенные брови и искривленный нос уродовали его по-прежнему.

– Так кто же теперь без вести пропавший, – пробормотал он, проводя пальцами по лицу. – Витя? Или Андрей? Еще та заморочка.

А на следующий день, после обеда, Андрей приехал домой на «Мерседесе» с крупным блондином в дорогом костюме из темно-серого габардина. Он запер машину, поставил на сигнализацию, и вместе с блондином поднялся в свою квартиру. Андрей только раз успел стукнуть пальцем в дверь, как Ольга, видевшая его из окна, поспешила открыть.

– Принимай гостя, мать, – проговорил он, держась немного натянато и растерянно.

Ольга отступила, глядя, как незнакомый мужчина, казавшийся очень импозантным, уверенно заходит в квартиру, прямо так, по ковру, не снимая дорогих туфель. Андрей прошел за ним, держась чуть сзади и сбоку.

– Ну, как, хорошо устроились? – спросил мужчина, оглядывая комнату, и голос его был приятный и сочный.

Он улыбался и так же, с улыбкой, принялся рассматривать Ольгу, как будто она была часть интерьера.

– Твоя жена? Поздравляю, она красавица. Представь нас.

– Ольга, познакомься, мой начальник, Николай Степанович. Николай Степанович – моя жена, Ольга.

Мужчина, глядя в упор на женщину, протянул ей руку. Та

не спешила с ответом, и он бросил нетерпеливо:

– Ну?

Ольга, покраснев, дала руку для пожатия, но мужчина неожиданно перевернул ее кисть тыльной стороной ладони вверх, поднес к губам и поцеловал, стараясь казаться галантным.

Ольга покраснела еще больше, Андрей поджал губы и слегка качнул головой, переминаясь.

– Очень приятно, – проговорил мужчина, и голос его стал еще глубже и сочнее. – Вы так прекрасны.

Андрей издал кашляющий звук, Николай Степанович обернулся и внезапно заторопился.

– Виктор, отвезёшь меня и можешь быть свободным. Поехали. До свидания, сударыня.

Голос Николая Степановича стал торопливым и озабоченным. Он, чуть попятившись, быстро вышел, и Андрей, облегченно вышел следом за ним.

Домой Андрей вернулся поздно и на той же машине. Оставив ее в платном гараже, он поднялся на второй этаж, отпер квартиру и вошел, стараясь не шуметь. Ольга ждала его, стоя в коридоре в новом теплом халате.

– Чего не спишь? – шепотом спросил Андрей, снимая кроссовки и обувая домашние тапочки.

– Жду тебя.

– А.

– Кушать будешь?

– Нет. Разве только кофе. Настоящий. Сваришь?

– Сварю.

– Олег спит?

– Спит. Он устает сильно. Хочет экстерном сдать за два года и пойти работать.

– Шиш вот. Он у меня учиться будет в университете.

– Витя...

– Что?

– Можно поговорить?

– Валяй, мать. Вам с Олежкой все можно. Даже в рожу мне въехать.

– Кто этот человек?

– Кто?

– Николай Степанович.

– Мой босс. Большой босс.

– Витя. Давай уедем, а? В Фергану?

– Нет, мать. Так дело не пойдет. Ты же знаешь, что мне нельзя в Фергану.

– А здесь можно? У тебя же нет документов. Ты сбежал с поезда.

– Тише. Разбудишь мальчишку. Смотри сюда, – он достал из кармана зеленую книжечку и другую, поменьше. – Паспорт гражданина Российской Федерации. Военный билет. Открой.

Ольга открыла паспорт, и у нее потемнело в глазах.

«Виктор Дягин». И фотография Андрея.

– Андрей, – пролепетала Ольга, и жесткая ладонь парня зажала ей рот.

– Не говори так, – с расстановкой проговорил он, медленно убирая руку. – Даже дома не говори.

– Прости, – Ольга смешалась, отступила и отвернулась.

– Ты прости. Оленька, пойми, я боюсь не за себя. Я просто обязан дать образование Олегу и поднять Иру. Понимаешь?

– Нет.

Андрей навис над ней, внезапно выкрикнув:

– Ты дура!

И тут же он осекся и отступил.

– Ладно, все, дебатов нет. Что у тебя на душе?

– Я боюсь.

– Кого?

– Ты связался с бандитами.

– С кем? Ну-ка, еще раз повтори.

– С бандой. А что, разве – нет?

Андрей посмотрел на комнату и закрыл туда дверь.

– Идем на кухню, разберемся. Почему ты решила, что я связался с бандой?

Сердце Ольги забилося часто и испуганно. Но она все же ответила, храбрясь:

– А этот? На машине?

– Он мой хозяин. Кирдин Николай Степанович. Я вожу его.

– И он тебе подарил паспорт. Расскажи это ребенку.

– Да-а. Босс тут не при чем. Он просто дал мне деньги, а все устроил Чико. Ты же знаешь его.

– Да, он рэкетир.

– Вот припечатала. Как в суде. Я сидел с ним в тюрьме и там спас от разборки. Он мне все и устроил.

– Но он же фальшивый.

– Почему?

– Сейчас же они в компьютере.

– Все тик-так. Мало ли хакеров, они тоже кушать хотят.

– Ох, пропадем мы, Витя. Не обо мне, об Олежке подумай.

– Я обо всех думаю. Ольга, ты дорога мне, и Олег дорог.

Вот погоди, мы заживем на славу. Мой хозяин богат, он хорошо платит.

– Кто он?

– Кто?

– Хозяин.

– Николай Степанович что ли? Оля – Оленька. Мало ли на Руси сейчас богатеньких Буратино. Он олигарх.

– Кто это?

– Ну, миллионер. Там: магазины, гостиницы, нефть, алмазы. Ему нужны верные люди, охрана.

– Ты охранник? Ты же сказал, что ты – шофер.

– Я – все. Даже родная мать. Все? Никаких заморочек?

Тогда вари кофе, мать, я страшно устал.

За кофе Андрей расслабился и начал говорить, мечтательно глядя на отделанную кафелем стену и поглаживая, и по-

тирая Ольгину руку своими худыми длинными пальцами:

– Представь, мать, вот станем покрепче на ноги, переведем Иришку, заведем еще пару зевластиков. Как ты на это? А? Оленька, ты же любишь меня, правда? – Андрей поймал ее взгляд и стал смотреть ей в глаза, требовательно и выжидательно.

– Правда, – твердо ответила Ольга, выдерживая этот взгляд. – Только думай о нас почаще, ладно? Я не хочу, чтобы ты опять сел в тюрьму.

– Я что, убил кого-то или ограбил? Я просто перегонял машины. Эх, мать, знаешь, кто сейчас честные-то? Бомжи с помойки. Вот поэтому и ходят по мусоркам, да бутылки собирают.

«Мы хорошо живем, мама. Витя снимает отдельную квартиру, он работает водителем –охранником у одного московского олигарха и хорошо зарабатывает. Только мы оба сильно по вам скучаем», – Ольга писала, задумывалась, и жизнь впереди казалась ей не такой уже сияющей, как расписывал Андрей. Она уже убедилась на своем опыте, что чудес в жизни не бывает. А бывают пинки и затрещины.

Первое время она встречала Андрея настороженно, ожидая беду. Но Андрей приходил домой трезвый, цепей на шею не носил, если задерживался, звонил домой и предупреждал. И Ольга успокоилась. О паспорте же она старалась не думать. Да он ли один купил себе гражданство.

В отдельной квартире, в мягкой удобной постеле, было хорошо. Андрей вел себя ровно и ласково и с готовностью отвечал на любые вопросы, почти заискивался. И Ольга совсем успокоилась. А однажды даже купила ему в подарок тоненькую серебряную цепочку. Андрей улыбнулся. Он носил на шее оловянный крестик, появившийся у него еще в тюрьме, на простом шнурке, и теперь повесил его на эту цепочку.

– Это на счастье, мать, – сказал он.

– Ты крещеный? – спросила Ольга.

– Да так, в тюрьме приходили к нам чудики. Ладно, не думай. А меня повысили.

– И кем ты стал теперь? Заместителем олигарха?

– Ну уж скажешь. Начальником охраны. Я там ввел пару новшеств, и меня оценили.

– Ох, Витя, только бы это оказалось правдой.

Уже засыпая, Ольга услышала дребезжание мобильного телефона, лежавшего на тумбочке со стороны Андрея. Тот сонно зашевелился, замотал головой и не разжимая глаз, потянулся за телефоном.

– Да. Алло. Да..... Еду.

Он бросил телефон на тумбочку, сел и крепко протер лицо обеими руками.

– Мать. Слышь, мать? – прошептал он сиплым, непроснувшимся голосом.

Ольга приподнялась в постели.

– Мой воротила в панике. Кого-то там грохнули. Я еду,

мать. Запри дверь

– А... Витя?

– Запри, запри.

Уже закрывая дверь, Ольга опомнилась и крикнула:

– Позвони, когда все уладишь.

– Подписано.

Ольга вздохнула и заперла дверь. Повернувшись, она увидела, что Олег стоит в дверях своей комнаты и смотрит на нее испуганными глазами...

– Ну, оборзели, совсем оборзели! – грохотал Николай Степанович Кирдин, мечась по кабинету в своей пятикомнатной квартире. – Наехали, на кого наехали! На меня! – он падал в кресло, хватался за сердце и опять вскакивал.

– Успокойся, Николай Степанович, – начал Андрей, пять минут тихо стоявший у двери и слушавший его истерику.

К нему повернулись еще трое мужчин.

– Что предложишь? – спросил один из них, поднимаясь не из уважения к Андрею, а от собственной неуверенности.

Андрей не торопливо поздоровался с ним, потом и с остальными. Только после этого он начал:

– Надо забить стрелку Черемушкам.

– А кто поедет? После арестов у нас и 30 пацанов не наберется.

– Разобрались же мы с Лысковскими.

– Это большая разница. Черемы покруче. Наехать сразу

на столько точек.

– Вконец оборзели, охамели, охренели!

– Кажется варьете «12 стульев» принадлежит им? – начал Андрей, стараясь, чтобы его слова звучали медленно и весомо.

– Ну да.

– Приносит прибыль?

– Отмывка денег.

– Только-то?

– Там неплохо расходится «план».

– Мы сомнем Черемов, и на стрелку ехать не придется, – Андрей усмехнулся синими губами.

На следующий день, к вечеру, на варьете «12 стульев» напали пятеро вооруженных автоматами парней, одетых в камуфляж и в масках, взяли кассу и исчезли, а приехавший наряд милиции, вызванный неизвестно кем, нашел тонкий след от белого порошка, тянувшийся к подвалу, набитому наркотиками.

Варьете закрыли, хозяина арестовали, за ним потянулись кое-кто из братвы, потом их главари. И тут же были перехвачены, избиты и ограблены бригады «быков», собиравшие дань. Время авторитетных людей и воровских законов прошло, город поделили акулы и появился новый закон. Волчья стая казалась по сравнению с россиянами начала нулевых детским садом.

Андрей торопился. Он сделал еще пару налетов и только

после этого Николай Степанович Кирдин – Кир, начал переговоры с братвой из Черемушек. И те отступили. А Кир стал вербовать бойцов и увеличивать бригады.

Время жесткого рэкета отходило, главари банд становились честными налогоплательщиками, теряли спортивную форму и обзаводились семьями. Деньги теперь добывали бойцы, а российские «доны» только отмывали их. И очень нуждались в таких людях как Андрей. Тот взялся за дело с жаром. С двумя бойцами он захватил бригадира из Черемушек, потом с бригадой обстрелял и взорвал сауну на территории люберецкой банды, где проходил «субботник», и бросив на месте труп бригадира, застреленного из пистолета охранника, испарился. Две банды, теснившие Кира с двух сторон, уничтожили друг друга, а Кир все прибирал и прибирал к рукам территорию соседей, открывал кафе, казино и ставил игорные автоматы. Он тянул за собой Андрея, уже сменившего кожаную куртку на деловой костюм.

– Виктор, – сказал как-то Николай Степанович, ставший еще солиднее и еще толще, Андрею. – Ты вышел в люди, стал авторитетным. И долго ты собираешься еще ходить с такой ряхой? «Паленый» – не лучшее погоняло, поверь мне. У меня есть знакомый, который сделает из тебя хоть самого Ричарда Гира.

И они оба поехали к косметологу. Тот осмотрел послеожоговые рубцы, изуродованный нос, надбровья.

– Мне нужна фотография, – сказал он. – Ваша прежняя

фотография. Еще до травмы.

И вечером Андрей сказал Ольге:

– Как ты мать на то, чтобы я сходил к косметологу. Говорят, сейчас убирают шрамы и ожоговые пятна.

– Смотри сам. Как тебе лучше.

Ольга отвыкла от него из-за его частых отлучек, слегка располнела и обленилась. Знакомство с соседями она не завела, общалась только с Олегом, играла на компьютере и смотрела телевизор. Часто оставаясь дома одна, она пыталась понять, что происходит в их с Андреем жизни. Она и не заметила, как и когда он изменился. Его неприятная привычка теревить и поглаживать лицо исчезла совсем, движения стали ровные, нервозность прошла. Казалось, он что-то решил для себя, сделал вывод и больше к этому не возвращался. А появившиеся после тюрьмы жесткость и агрессивность чувствовались даже сейчас, дома, где он хоть немного позволял себе расслабиться.

– Попробую, мать, авось пронесет, – говорил он, не отводя требовательного взгляда от ее глаз. – Только мне нужно фото Вити. Ты позвони домой. Кстати, как они там?

– Ничего.

Ольга была задумчива, а Андрей не обращал на нее внимания. Через три недели он получил фотографию и пошел к косметологу. То, что из него получилось, было настоящим произведением искусства. Андрей встал у зеркала и долго смотрел в него, пораженный результатом.

– Да, – тихо сказал он отражению. – Это еще не Витя, но уже и не Андрей. Кто же ты будешь по жизни, пацан? – он звонко щелкнул по стеклу. – Время покажет.

Дома он зацеловал Ольгу до помрачнения рассудка, опьянел от собственной раскованности, от того, что он хорошо выглядит, что может не бояться, что им брезгуют, может смотреть Ольге в глаза и не видеть там затаенного отвращения. И наконец решился.

– Давай-ка, мать, заведем зевластика, а? Второго? Что на одном останавливаться.

Он не отходил от Ольги несколько дней, сам отвез ее к дорожному гинекологу, снять спираль, и добился своего – она забеременела. И почти что поверила, что у них все хорошо.

А Андрей получил от Кирдина в подарок его пятикомнатную квартиру с евроремонтом и итальянской мебелью, когда тот достроил свой дом, переоформил ее на Ольгу, сделав ей Российское гражданство, на нее же купил еще одну машину, новую и дорогую и предложил привезти Иришку.

Ольга обрадовалась.

– Я позвоню маме, чтобы они все продавали.

Андрей нервно перебил ее:

– Почему бы тебе не съездить самой и просто не привезти ребенка?

– Ты против мамы? Витя?

– Оля. Сама подумай. Можно обмануть маленького ребенка, но как, скажи мне на милость, обмануть взрослого чело-

века?

Ольга замолчала и вся сжалась. Андрей заволновался, вскочил, заходил по комнате, потом подошел к ней, склонился и обхватил за плечи, заглядывая в глаза.

– Я за твою маму. Я хочу иметь нормальную семью. Сейчас я хорошо зарабатываю, живу честно, слышишь, честно, и не хочу, чтобы это враз лопнуло. За что мне такая прессовка, скажи мне, что я такого сделал по жизни.

– А... Витя, успокойся. Ты зря боишься мою маму, она у меня чудесная, она все поймет.

– Что? Что я дезертир и убийца? Оля, кому ты это заправляешь.

– Нет. Я скажу то же, что и писала в письмах. Что ты попал в аварию, сделал пластическую. Ты уже не похож на Андрея, ты похож на Витю, правда, ты заслонил уже его, я его не помню. Я вижу только тебя. Ты стал им, верь мне.

– Не знаю, Оль. Я тебе верю. Да. Я верю только тебе да Олегу. И все. Вы – моя семья. Если считаешь нужным, вези, кого хочешь. И не возись там с продажей. Отдай все кому-нибудь, брось. Только не оставляй меня надолго. Я не выношу одиночества, ты же знаешь.

Ольга, не ожидавшая от Андрея таких слов, смотрела на него во все глаза, верила в его любовь, и сама почти любила его.

Она поехала в Фергану, чтобы привезти наконец подросшую и немного отдалившуюся от нее дочь, уже перешедшую

во второй класс, и заметно постаревшую мать в Москву.

Андрей собирался встречать все-таки чужую для себя семью, поэтому с самого отъезда Ольги немного нервничал. А тут ему позвонил один из бригадиров и сказал, что не удалось взять дань с АЗС, перепроданную новым хозяевам. Двое «исполнителей», сидели дома у бригадира с понурым видом и выглядели довольно плачевно. И тогда Андрей позвонил Гире, которого держал для особо сложных случаев.

– Так, – он говорил медленно и весомо, растягивал слова. – В Домодедово перекупили заправку. Ребята оказались ершистые. По-хорошему не поняли. Гиря, сгоняй туда сам и прижми. Пора стричь баранов. Только не облажайся.

– Обижаешь, братан, – Гиря, бригадир, ухмыльнулся. – Мы и не таких обламывали.

– Я знаю, – резко перебил Андрей.

– А мне просто припугнуть или...?

– Смотри по обстановке.

– Русские или чурки?

– Точно русские. Да, ещё. Пейджеры пора выбросить. Пользуемся только телефонами. Симки у всех «левые». Всё. Жду звонка.

– Считай, что мы уже рапортуем о удачно проделанной работе.

Андрей скривился, как от зубной боли и услышал в динамике перед гудками отбоя:

– Погнали ребята. Работенка подфартила.

Окраина Москвы в вечернее время напоминала игру «Сталкер». Там, где был свободный въезд во двор, неожиданно появлялся шлагбаум. Там, где парковали машину, вдруг вырастал ларёк с шаурмой или курой-гриль. Иномарка с братками петляла возле серых неприглядных домов.

– Ставь возле подъезда, – мрачно сказал Сиплый. – Уже битый час здесь кружимся.

– Ага. Перекроем выезд.

– Да и хрен с ним! Обойдут!

– Ну, смотри, как бы колёса не прокололи, – Гиря подъехал вплотную к подъезду дома и нажал на тормоза.

– Дубинку взял?

– Я без неё не хожу, – Сиплый улыбнулся, ощерив жёлтые, прокуренные зубы.

АЗС находилась на окраине города. Возле кассы стоял высокий мужчина в робе. Он был светловолосый, широкоплечий и немного нервный. Переминаясь возле окошка, он крутил в руках замасленную тряпку и о чём-то весело болтал с кассиршей.

– Ещё и баба тут, – Гиря выругался и сплюнул на землю.

– Плевать на бабу. Думаю, у нас тут дел на пять минут.

– Эй, чувак, где тут начальство? – крикнул Сиплый.

– Я тут начальство, – обернулся мужчина.

– Пошли, разговор есть.

Мужчина внимательно посмотрел на братков.

– Ну, пошли, раз есть разговор.

Он распахнул дверь в каморку.

На маленьком диванчике сидел ещё один мужчина, примерно того же возраста. Был он невысокий, но крепко сбитый. Он смотрел крохотный телевизор. Верней, пытался смотреть. Телевизор шипел, рычал, захлопывал экран, потом резко открывал и из динамика несло:

– Ну, где же ручки? Ну, где же ваши ручки?

– Малыш, выключи шарманку. К нам люди пришли.

Малыш вскочил, выдернул из розетки шнур от телевизора.

– Тох, а в чём проблема?

– Угадай-ка. Никак не успокоятся, воронье, – спокойно ответил высокий мужчина.

– Значит, так, – Гиря широко зевнул и продолжил говорить, слегка растягивая слова. – Мы – ваша крыша. А крыше что нужно делать? Пра-авильно-о.. платить. Короче, каждый месяц мы будем приезжать, а вы нам будете платить. Усекли?

– Так что бабки на стол. И поживей, а то нам некогда, – Сиплый достал из-за пазухи дубинку и постучал ею по руке.

– Сказали же уже, мы не будем платить, – спросил невысокий, крепкий мужчина.

– Творю ж мать! Что, не понятно, не будете – станете удобением. Где-нибудь за МКАДом, – и Гиря загоготал.

– А теперь вы слушайте, – высокий мужчина, которого

звали Тоха подошёл вплотную к браткам. – Мы никому и ничего платить не будем. Усекли?

– И больше сюда не приезжайте, – Малыш тоже вышел вперёд.

– Ах, ты гриб! Сморчок! – заревел Гиря. – Да мы сейчас разнесём на хрен вашу богадельню! – он замахнулся, но Малыш коротким хуком опрокинул его навзничь.

Раскинув руки, Гиря грохнулся на диванчик. Диванчик «крякнул» и развалился.

– Ах, ты сука, мля! – Сиплый хотел броситься на Малыша, но кулак Тохи остановил его.

Через пару минут братков выволокли из каморки и выбросили, как мешки, на дорогу.

– А ещё раз покажетесь здесь, вообще прирьём! – крикнул Тоха.

– Сука! – корчась от боли, Сиплый, пытался встать. – Убью, мля.

– Это нас убьют, – мрачно сказал Гиря, поднимаясь с земли. – Телефон у тебя?

– В машине оставил.

– Придурок! Это ж Домодедово!

– Ладно, не скули. Только кто будет шефу звонить?

– Ты и будешь!

– Я, что ли старший? Тебе сливки с любого навара.

Братки, прихрамывая, поплелись к машине. Через несколько минут они стояли возле машины.

– А-а! – схватился за голову Сиплый. – Мля, уроды!! Мрази!!!

Нет, колёса никто не проколол. Их просто не было. Машина стояла на кирпичках, приветливо улыбаясь распахнутой дверью...

– Нет. Это не они уроды и твари. Это вы – недоумки, недоучки и дебилы, – Андрей спокойно сидел на стуле в отдельной кабинке своего любимого кафе. – Вас выкинули, как щенков. Я потратил деньги, чтобы привезти из Домодедова машину, чтобы купить новый телефон. Вы по уши в дерьме. Это понятно?

– Понятно. – бормотал Гиря. – Откуда ж мы знали, что они Афган прошли? Спецы раздолбаные.

«Сами раздолбанные», – хотел сказать Андрей, но не посчитал нужным.

– А кто должен знать?

– Ну, мы...

– Ты просто не справился с заданием. И поэтому придётся тебя ставить на «счётчик».

– Я справлюсь! Я просто не был готов!

– Да? – криво усмехнулся Андрей. – Теперь ты готовы? Поедете впятером.

На заправке их ждали. Девушки-кассирши на этот раз не было. Мужчины приготовились к встрече. Пятёрку «быков»

Тоха и Малыш разметали по всему периметру.

В шашлычной на углу Алтуфьевского шоссе было малолюдно. Андрей не смотрел на своего бригадира. Он с аппетитом поглощал шашлык, щедро поливая мясо кетчупом, смачно хрустел маринованным чесноком и упорно молчал. Он, всегда евший очень мало и быстро, сейчас словно назло растягивал процесс и делал из него чуть ли не рекламу образцовой шашлычной. Наконец он откинулся на стул и сказал:

– Ну что, генералиссимус армии недоделанных бойцов? Не справились с двумя! Подчёркиваю, с двумя мужиками. Один из которых вообще контуженный.

Генералиссимус «недоделанных бойцов» мрачно молчал. А Андрей продолжил.

– Завтра в десять едешь снова на заправку. Я уточнил, что за мужики. Антон Игнатьев, он же Тоха. Кирилл Смирнов, он же Малыш. Парни служили вместе в Афгане, в разведке. Своих денег на раскрутку заправки у них не было. Помог какой-то чел. По слухам, тоже афганец. Планирую со временем добраться и до него. Я буду с вами. И если вас и в этот раз раскидают, как щенков, то ищите себе другое тёплое местечко.

Две иномарки резко затормозили перед АЗС на окраине Домодедова. «Быки» вышли первыми. Андрей остался в ма-

шине. Гиря был бригадир его личной пятерки, бойцов, которые знали его в лицо. И при случае могли опознать...

Два друга-афганца уже стояли возле двери.

– Слышь, гриб-боровик! – крикнул Гиря. – Мы приехали с последним предупреждением.

– Это мы вас предупреждаем, – Малыш вышел вперёд. – Не трогайте нас. Пока по-хорошему.

– По-хорошему? Мля! – Сиплый громко захохотал.

– Да, – Антон смотрел прямо в глаза Сиплому. – Никаких денег вы не получите.

Братки начали медленно окружать мужчин. Андрей увидел, как афганцы встали спиной друг к другу и сжали кулаки. И началось. Взмахи, мат, выкрики и хрипы. Стук ударов, вскрики, вопль! Бойцы «недоделанной армии» падали, поднимались, чтобы снова лечь от хорошо отработанных ударов бывших разведчиков.

Андрей с удовольствием расположился в машине, курил и хладнокровно наблюдал, вспоминая, как когда-то сам положил две бригады Бобра. Вдруг он увидел, что Малыш неожиданно упал, захрипел и стал биться в конвульсиях, и тут же бросил недокуренную сигарету.

Антон кинулся к нему. На спину согнувшегося мужчины упал Гиря, пытаясь заломит ему руки и провести болевой прием. Андрей выскочил из машины.

– Назад! – он одним рывком отбросил Гирю. – Всем назад!

– Дяга, ты чего? – Гиря сплюнул кровавую слюну.

– Назад, я сказал! – Андрей хладнокровно встал перед своими бойцами.

Те стали собираться в кучу.

– Малыш, братан, держись! Сейчас «Скорую» вызову! – Антон крепко сжимал голову друга.

– Что с ним? – Андрей кивнул на Малыша.

Он стоял, выпрямившись во весь свой рост, широко расставив ноги и смотрел на обоих сверху вниз.

– Приступ, – хрипло ответил Антон, не отрывая взгляд от лица друга. – У него после контузии бывает такое.

– Давай, быстро его в мою машину.

– Куда? – Антон внимательно посмотрел на Андрея.

– В машину. Быстро! И показывай, где у вас больница. Братва, помогите поднять.

Сам Андрей отпер дверцу переднего пассажирского сидения и откинул спинку...

В больницу Андрея не пропустили. Он остался сидеть на водительском сидении с открытой дверцей и курить. Через полчаса вышел Антон. Он был бледный. Губы слегка дрожали.

– Что сказали врачи?

– А что они скажут? – Антон нервно передёрнул плечами. – Нет лекарств. Нет нужных лекарств. И плевать, что он воевал в Афгане. Плевать, что у него контузия.

Мужчина стоял перед Андреем потерянный и напуганный. А напугать его было нелегко.

– Сколько денег?

– Чего? – Антон недоумённо посмотрел на Андрея.

– Я спрашиваю, сколько нужно денег?

– Вот, – парень протянул Андрею небольшой тетрадный листок. – Здесь всё написано.

– Вали на свою заправку. Больше никто вас не тронет. Я куплю лекарство.

– Оно очень дорогое.

– Разберусь.

Антон повернулся уходить, но обернулся и позвал:

– Эй...

Андрей, захлопывающий дверцу, обернулся.

– Как тебя звать?

Андрей только криво усмехнулся, хлопнул дверцей и повернул ключ зажигания.

У него под данью было три аптеки, и он позвонил хозяину одной из них. Через полчаса нужные лекарства были уже у больного. Андрей просто отдал упаковки и ушел, стараясь не глядеть ему в глаза.

Кирилл Смирнов остался лежать в больнице, в неврологическом отделении.

Андрей после больницы поехал к Киру.

Он мог снять заправочную с дани и сам, но тогда при малейшей смене власти ее хозяева опять попали бы на крючок. Поэтому Андрей решил действовать в открытую.

Кир сидел в своем любимом кафе, расстегнув пиджак и распустив галстук.

Андрей был более чем мрачен, он был почти зол. Кир это почувствовал и напрягся. С некоторых пор он чувствовал себя неважно при Андрее. Вид Коренева подавлял всех, кто окружал его.

– У меня заморочка, Кир, – начал Андрей, садясь за стол рядом со своим боссом.

– Слушаю, Витя. Угощайся, сегодня особенно вкусный кофе.

– Кир. На моем участке заправочную нужно снять с дани. Третью точку.

– Прибыльное место. Это с чего их снимать?

– Они вроде как герои-афганцы.

– И что из того?

– Кир, ты же сам там был, все время об этом рассказываешь. Давай, поступим по нормальному.

– Терять десять косых в год я не собираюсь.

– А нормально, что они могли быть твоими сослуживцами?

– Да мне плевать. Что с тобой, Дяга?

– Да все прекрасно. Не хочешь снимать сам, пусть идет за мой счет.

– Даже так? Ты теряешь кураж, пацан.

Андрей промолчал, поднялся и хотел уйти. Но тут же повернулся.

– При расчете заправка на мне, – коротко и приказным тоном сказал он и быстро вышел в дверь.

Кирдин так и не нашел, что ответить. Только подумал: раз Андрей ушел быстро, почти сбежал, значит боится его. На этом он и успокоился.

До приезда Ольги оставалось пять дней. Андрей нервничал. И сам не зная зачем, каждый день ездил в больницу к Кириллу Смирнову. Бывший сержант разведзвезда сначала встречал Коренева настороженно. Но постепенно он привык к непонятному парню и даже начал проявлять к нему дружеское. И если Андрей день не появлялся, Кириллу чего-то словно не хватало. Он был на двадцать лет старше Коренева, но почему-то смотрел на него, как на равного.

Часто они сидели в больничном саду на лавочке, курили и разговаривали. Ветеран войны на чужой территории и солдат-дезертир, чудом не принявший участия в развале своей. Оба отчаянно храбрые, но с разными «понятиями». Они мирно беседовали почти ни о чем. Но на все попытки Кирилла поговорить «за жизнь» – Андрей тут же замыкался или отшучивался. И все же к Смирнову его почему-то тянуло.

Вот и наступил тот день, которого Андрей ждал и боялся. ИЛ-114 «Москва-Ташкент» сел в Домодедове в 22.37 по московскому времени. Андрей встретил свою семью с огромной корзиной цветов и такой же огромной куклой. От

матери он старался держаться подальше, дочери не навязывался, торопливо пригласил всех в машину. Мать Ольги, видевшая уже плохо, вглядывалась в зятя пристально, и от ее взгляда, который Андрей чувствовал даже затылком, ему становилось не по себе. Привезя всю семью домой, он тут же уехал, давая им возможность обсудить себя.

Олег был на учебе, и бабушка с внучкой беспрепятственно осматривали свою новую квартиру, казавшуюся им хоромами.

– Значит на тебе квартира-то, – говорила мать, обходя все. – Это хорошо. А то он вон какой у тебя стал. Загуляет, бросит, и лишишься таких хором.

– Не загуляет, мама. Он любит меня.

– Кто же знает. Сейчас вон какая жизнь, все можно ожидать.

Ольга, у которой живот уже выпирал даже из свободного платья, стала нервной, слезливой.

– Мама! Витя не такой! – воскликнула она, едва сдерживаясь.

– Был. Здесь же Москва. Здесь у них соблазнов знаешь сколько. Здесь вон какие девки нахальные. А он у тебя богатым становится.

– Он просто начальник охраны у олигарха.

– Ну да. А квартира эта – целое состояние.

– Витя спас ему жизнь, и он отблагодарил его.

– Миллионами?

– Да у него самого такой домина в поселке. Три этажа. Просто дворец. Нас с Витей приглашали туда на открытие.

– Ну, хорошо, хорошо. Ты говорила, что у тебя и вклад есть?

– 300 000. В рублях.

– Это много?

– Да не мало.

– А мальчик этот, что с вами живет?

Тут заработал домофон.

– Что это?

– Сейчас.

Ольга вышла в прихожую. Парень, иногда привозивший от Андрея деньги, просил открыть дверь. Он приехал не один, а с помощником и внес в дом две большие коробки, а за ним нес коробку и свертки другой парень.

– Что это? – удивилась Ольга.

– Виктор Николаевич велел отвезти. Где у вас детская?

– Вот, сюда.

– Все. Помощь не нужна? Тогда мы поехали.

– Что же это такое? – мать стала рассматривать свертки, распаковала один. – Ой, Иришка, ну-ка, смотри.

Девочка, крутившаяся тут же, охнула. Чего только не было в этих волшебных коробках. Телевизор с несколькими приставками, компьютер, познавательные игры, куклы разного размера, мягкие игрушки от Мики Мауса размером с нее саму, до собачки, помещающейся на ладони, мячи, пры-

галки, роботы, наборы солдатиков, зоопарков и ранчо и даже автоматы и пистолеты.

– Ну, это уже Витька для себя купил.

Иришка с ума сошла от восторга. Она вцепилась в автомат, гоняла по квартире мяч, прыгала и скакала вокруг своего богатства.

– Да он у тебя разорится так, – ворчала бабушка. – Это же все дорогущее поди. Да, господи, это еще что такое?

– Вот Олег придет и объяснит.

Сам Андрей вернулся только поздно вечером, и от него пахло спиртным. Ольга ждала его и не ложилась.

– Ты выпил? – спросила она сдержанно.

– Только чуть-чуть, мать. Для храбрости, – он переобувался, раздевался и старался не смотреть на жену.

– Все спят. Мама и Иришка будут жить в детской, как и решили.

– Пусть хоть где живут, лишь бы меня не трогали.

Ольга отшатнулась от таких слов, а Андрей схватил ее за локоть.

– Что говорили обо мне.

– Что ты богатый и преуспеваешь.

– Ну да?

Андрей смотрел ей в глаза пристально и, неожиданно склонившись, впился в ее губы, едва приоткрывшиеся, чтобы что-то сказать. Ольга задохнулась от долгого поцелуя, сдавленно вскрикнула и стала отталкивать его, потом поняв,

что так нельзя, обняла за шею.

– Прости, Оленька, – Андрей оторвался и зарылся лицом в ее пушистые волосы. – Я просто страшно трушу.

– Зачем? Мама признала тебя. Иришка тебя любит.

– Как с Олегом? – Андрей отпустил ее и посмотрел сверху.

– Все прекрасно. Иришка от него весь вечер не отходила.

И маме он понравился.

Андрей согласно кивал головой, потом оторвался от косяка, к которому привалился.

– Олечка у меня такой.

Следующий день был выходной. Андрей взял Олега и Иришку и повез их в парк, потом в цирк и в детское кафе, и все время звонил по телефону домой и докладывал Ольге, где они находятся и куда собираются еще. Вернулись они только вечером, и Иришка не отходила уже от Андрея, одета была во все новенькое и страшно хвасталась. Слово «папа» постоянно слетало с ее губ, и от прошлой скованности не осталось и следа. А на следующий день после работы Андрей обратился к теще.

– Поедьте в магазин, мама, купим вам что-нибудь из обновок. Вон Иришка вчера весь день только и мечтала об этом.

– Да не нужно мне ничего, – отмахнулась та.

Но девочка уже включилась в разговор.

– Правда, бабуля, там такие красивые платья и кофточки.

– Мы и так разорили твоего папу.

– Папа богатый, бабуля!

– Ну, в натуре, – себе под нос буркнул Андрей, переминаясь и поглаживая лицо.

– Не стоит, Витя, на меня тратить. Мне уже доживать.

– Да ладно, мама, завтра едем и все тут.

– Уж если хочешь сделать доброе дело, отвези меня в церковь. Завтра же воскресенье.

– Ладно, договорились. Я машину загоню в гараж, – Андрей вышел.

– Ну, словно другой человек, – выдохнула мать.

Ольга вздрогнула.

– Ира, иди к Олегу, он тебе компьютер включит, – торопливо сказала она. – Мама, пожалуйста, не подавай вида.

– Что так?

– Держи все про себя. А... Витя, он страшно комплексует. Мама, подумай, какой он страшный был после аварии. Потом еще тюрьма. Мы все изменились, мама.

– Да нашелся же добрый человек. Как его?

– Олигарх. Николай Степанович. Витя его от смерти спас и сейчас вся безопасность на нем держится.

– Да, работать он всегда умел. Его и на заводе ценили. Ирочка, Ира...

– Да, бабуля? – девочка вприпрыжку выбежала из комнаты Олега.

– Выйди-ка, детка, на улицу, да спроси папу, когда ужин готовить. Что-то он с машиной завозился.

– Сейчас.

Девочка мигом выскочила из дома. Она остановилась возле Андрея, склонившегося над открытым мотором и перегнулась, с любопытством заглядывая под поднятый капот.

– Папа?

– Ну?

– Что ты делаешь?

– Да что-то искра сбивается. Вот смотрю.

– Бабуля спрашивает, когда ужинать?

– Это как вы сами. Я присоединюсь хоть сейчас, – Андрей выпрямился и сверху вниз посмотрел на девочку, похожую на одуванчик. – А что-нибудь еще сказала бабушка?

– Нет.

– А про меня?

– Сказала, что ты другой человек.

– Да... – Андрей опустил голову, потом снова посмотрел на девочку. – А ты сама-то как думаешь?

– Я люблю тебя. Нагнись. Ну, давай же.

Андрей нагнулся, и девочка доверчиво и по-детски чмокнула его в щеку. И он, подхватив ее, поднял к небу.

– Ну все, пропало красивое платье, – засмеялся он.

– А что?

– Испачкал своими руками.

Андрей опустил девочку и посмотрел на окна.

– Темнеет. Ладно. Садись в машину, прокатишься до гаража.

Ира крутилась, оглядывая себя.

– Ты что?

Девочка дотронулась до пятна на розовом банте.

– Бабуля отстирает? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Плевать. Я тебе еще сто таких куплю. Еще дороже.

Девочка счастливо улыбнулась.

На следующий день Андрей повез тещу в храм Христа Спасителя, завез сначала в магазин, купил новое платье и строгой формы синий пиджак. Возле храма он накопил свечей и даже сам поставил две: за жену и за ребенка. Когда ехали в машине, он, чтобы избежать вопросов, рассказывал о тюрьме, как его подставили, как били на допросах, как потом, в колонии, он ремонтировал машины начальству, чтобы заработать деньги и хоть немного присылать жене. Рассказал, как в больнице познакомился с одноруким мальчиком, отнял у него в туалете бритву и с тех пор сдружился с ним и взял на себя заботу о нем.

– Ты добрый, сынок. Бог воздаст тебе за это.

– Чего там, – Андрей не был верующим, но был суеверным и не любил, когда упоминают Бога.

И несмотря на то, что теща после этого стала относиться к нему намного лучше, Андрей при ней нервничал и вел себя или слишком развязано, или скованно и неуверенно. Он оставался примерным семьянином, если задерживался, звонил домой и предупреждал. На прием к гинекологу он возил

Ольгу всегда сам, когда она рожала, всю ночь провел возле больницы, а когда впервые взял на руки новорожденного мальчика, руки его дрожали и губы кривились.

Дома уже, собрав семью, он объявил, что на Ольгу купил дачу под Москвой в престижном поселке, а спустя месяц – дорогой бутик в квартале от них.

– Витя, да откуда деньги такие? – взмахивала руками теща.

– Ссуду взял на раскрутку. Потом хозяин платит и премиальные еще. Я их удачно вложил и вот – прибыль. Я же почти не трачу деньги, не пью, работаю, как проклятый.

Последний аргумент окончательно убедил тещу, знающую, до чего доводит пьянство. Зятя она уже считала золотым.

А Андрей приобрел еще кафе, и тоже не далеко от них, оформил на Олега, а Ольгу сделал его опекуной до совершеннолетия.

Мать верила Андрею, считала его почти святым и непогрешимым, а Ольга и Олег становились все грустнее и грустнее.

Так наступила осень. Ира пошла в дорогой лицей, в третий класс.

И ночью Андрея разбудил телефонный звонок, впервые за этот год.

– Виктор Николаевич...

– Да, – Андрей едва проснувшийся, посмотрел на спящую

женщину и проговорил в телефон: – Говори тише.

– Захватили склад Пана.

– Тише. Кто?

– ОМОН или РУОП, я в неведении.

– Так пробей ситуацию. Я еду.

– Ты куда? – не открывая глаз, пробормотала Ольга.

– Мой олигарх вызывает. Там ограбили его ресторан.

– У тебя будут неприятности? – Ольга села и посмотрел на мужа, натягивающего джинсы.

– Средне. Все. Спи. Я позвоню, если задержусь.

– Пропало, все пропало, – орал Кирдин, мечась по кабинету. – И зачем мы связались со шпалерами. Это все ты, ты, тебе все мало. Мало наркоты, мало казино и автоматов. Мало...

– Заткнись! Да, мне мало, мне нужны новые рынки, новые дела, прибыль, баксы. Время безнаказанного рэкета закончилось, как ты еще в это не въехал!

– И менты!

– Не визжи.

– Да ты кому косяк упорол!

– Заткнись, трус, не то я сваливаю, и сам хлебай все.

– Да, сваливаешь? А жена-то твоя...

Андрей в мгновение ока оказался около него и сжал руками горло.

– Ты знаешь, да, что я могу тебя кончить? Знаешь? – Ан-

дрей почти заорал. – Прямо здесь и сейчас!

Кирдин в ужасе заметался глазами по помещению. Но они были одни, охрана находилась далеко, да и будет ли охрана, набранная Андреем, за своего хозяина.

– Еще даже вспомнишь о моей семье и все, ты – жмур! – Андрей сжимал горло, скрытое жиром, до тех пор, пока рот у Кирдина не открылся, а глаза не стали вылезать из орбит. Тогда он отпустил его, и тот обмяк, раскинул руки. Удушье продолжало сжимать его горло, и мужчина синел и отключался на глазах. Андрей ударил его по щеке, по другой, и так бил и тряс, приговаривая:

– Дыши, пададь, дыши.

Кирдин шумно вздохнул и задышал со всхлипами.

– Все, все. Ты не понял. Я не в тему понты дал. Все. Витя?

– Что? – Андрей открыл закупоренную бутылку «Распутина» и глотнул прямо из горлышка.

– Сделай что-нибудь. Утонем же вместе.

– Не ссы. Вылезем. Не напрягайся.

– Плесни и мне, что ли? – дрожавшей рукой Кирдин протянул стакан.

Андрей налил ему, следя за выражением сине – белого лица.

Он никогда не считался с понятиями, легко переступал все законы: и обычные, и воровские. Перед его натиском отступали, и авторитеты давно уже считали его отморозком и беспредельщиком.

Но у Кирдина за ним была немалая сила и по сути он давно уже разделил власть со своим боссом, держа в руках все нанятые при нем кадры.

Еще у него был выход к работнику прокуратуры и связи в Гос. Думе. Кирдину осталось только смириться и ждать, затаив на своего помощника злобу.

И Андрей все устроил. Панова выпустили под залог, улики выкрали, но при этом были застрелены два милиционера, и колесо правосудия завертелось вновь. Арестовали бойцов и нескольких бригадиров Кирдина, провели обыск в варьете «Успех», принадлежащим лично ему, нашли наркотики, и Николая Степановича арестовали.

Андрей явился к нему на свидание на следующий день.

– Ты – дурак, – тихо и спокойно говорил он, сидя с ним бок о бок в красном уголке.

– Это почему? – тихо спросил Кирдин, потеряв всю свою самонадеянность.

– Жадность фраера губит, слышал такое? Почему «Успех» не оформил на подставу?

– Ну...

– Ну, если уж на тебе, то играй чисто, не пачкайся «дурью», в своей хате не гадают. От меня скрыл, от общака скрыл. Да твою ж мать!

– Витя, Витенька, Витек... – Кирдин был почти жалок.

– Что?

– Я ж тебя нашел, я тебе дал кормушку, вспомни, сколько

я для тебя сделал.

– Боюсь, что это невозможно, – задумчиво проговорил Андрей. – Сейчас там новый следователь и сам генеральный его поддерживает.

– Но неужели...

– К этому – нет. Бывают же «валеты».

– Придумай что-нибудь. Нет таких заморочек...

– Дорого обойдется.

– Сколько? Не жалей общака, все выкладывай.

– Тебе лично дорого обойдется.

– Ты это о чем?

– О твоём вкладе в Цюрихе.

– Что? Ты...

– Я знаю все. Давай ключ или загнивай в крытке.

– Крысятничаешь, сволочь! Может ты меня и вкозлил?

– Не в тему. Слушай, тот мусор, что ведет твоё дело, он настоящий отморозок. К нему не подъехать. Тут нужны другие методы. А это стоит дорого. Теперь подсчитай, сколько у тебя грехов и какой срок тебе грозит, если я не дам отмашки по своим каналам. Я ведь тоже не сын миллиардера, чтобы на тебя тратиться.

– Да, понимаю, я вола впарил. Ты пацан правильный, с понятием. Лады. Только и плату ты требуешь уж через чур.

– Тебе сколько лет? Не стар ли нары парить.

– Взял ты меня на «кабы». Сдохну я в крытой, Витюша.

Помоги.

– Я знаю. Ключ к вкладу – флешка. Это плата за твою волю.

– Я лучше здесь, – Кирдин отвернулся на своем стуле, потом повернулся и горячо проговорил, сгибаясь к собеседнику: – «Успех» хочешь? И еще пару точек?

– Флешка. И все будет вась-вась.

– Да я тебя опущу ниже канализации.

– Сам смотри, не опустишь.

– Все, базар закончен.

– Ты отвечаешь?

– Отвечаю. Я тебя!

Андрей встал и быстро вышел.

Пришел он на свидание только через неделю. Выглядел Кирдин еще хуже, весь обрюзг, складки свисали с его толстых щек. Андрей сел, откинулся на спинку стула и разглядывал своего хозяина с усмешкой на губах.

– Информация к размышлению, – начал он, медленно растягивая слова. – Малявы Фаре и Кону можешь больше не слать: во-первых, они попадают ко мне, в во-вторых, пацанов больше нет. Правильные были пацанчики, земля им пухом.

– Это ты их завалил, ты?

– Отвечай за базар.

– Что... теперь будет?

– Лет двадцать. Адвокат уже доложил мне.

– Боже мой, боже мой. Ты... ты же у меня совсем недавно, какой-то год, ну – полтора...

– Год и восемь месяцев. Продолжай.

– И уже так оборзел. Да ты... ты...

– А теперь послушай меня.

– Да ты бы и так меня заменил. Ну сколько мне осталось, лет пять, не больше. И ты бы стал моим доверенным, правой рукой.

– Закрой хавло. Мне нужна флешка. Я же все равно ее найду, переверну все твои записки, когда же ты в это въедешь.

– Двадцать лет, Дяга, это только двадцать лет. Такие, как я, долго не сидят. И когда я вернусь, я тебя достану. И тогда, Дяга, ты пожалеешь, что родился.

– Я, наверное, плохо обрисовал тебе ситуацию, Кир. Ты просто не доживешь до суда.

Кирдин отшатнулся в ужасе не столько перед смертью, сколько перед таким предательством.

– Витя, я же тебя любил, как сына.

– Гони флешку, папаша.

Кирдин поник, съежился и плечи его затряслись...

Через два дня Андрей приехал домой рано, вбежал, загнув озираясь, на этаж, отпер дверь своим ключом и вошел в детскую. Ира была в школе, и бабушка успела навести там порядок. Сейчас квартира была пуста, и Андрей взял с этажерки небольшого розового медведя, прислушался и, бросившись из детской к входной двери, защелкнул предо-

хранители на всех трех замках.

Когда Ольга с матерью поднялись на этаж, они долго не могли отпереть дверь, передавая друг другу спящего мальчика. И только помучившись минут пять, почувствовали, что дверь открылась сама собой и поразительно быстро.

Андрей стоял у порога в рубашке навыпуск и тер глаза, притворяясь только что проснувшимся.

– А, давайте, – он торопливо подхватил ребенка на руки. – Я тут закемарил с устатку. Ну как, все нормально?

– Растем, – проговорила бабушка, снимая верхнюю одежду. – Андрюшенька – богатырь. В больнице только так нас и называли. Где ты пропадал, сынок, всю эту неделю?

– Да у шефа неприятности. Его посадили.

– Что? Он же миллионер, олигарх.

– Ну, так это, Ходорковского же посадили.

– О, господи, чего только нет на свете. Витя, я хочу поговорить с тобой.

– Слушаю, мама.

– У меня сестра двоюродная тяжело заболела, тетя Соня, ты помнишь ее? Ложится на операцию. Я хотела бы поехать к ней.

– В Фергану?

– Ну да. Больше же у нас нигде нет родственников.

– Да, точно. Простите, мама, я совсем заморочился.

Андрей передал сына Ольге, а сам подошел к своей куртке и достал оттуда пачку зелененьких.

– Вот. Тут полторы тысячи долларов, – он пересчитал деньги и сложил их в пачку. – Вам хватит?

– Ой, даже много.

– Берите. Когда вы едете?

– Да, думаю, завтра. Тут легко билеты достать.

– Ольга, отвезешь, если я буду занят?

– Конечно, Витя.

– Справишься с ребеночком?

– Конечно.

– Спасибо.

Андрей потоптался, посмотрел на наручные часы.

– О, мне пора ехать. Сейчас все на мне. И адвокаты и остальное.

– Так ты же там не один, – мать смотрела на зятя с огромным уважением.

– Ну, мам, это когда все путем. Только один сбой, и все, как крысы с корабля.

– Да, сынок, да.

– Кстати, Оль, мне ту дачу пришлось ликвидировать. Приедет адвокат, все объяснит. Я там другую купил. Так что распишешься, где он скажет.

– Господи, что за человек. Дачи и машины меняет, как шапки.

А Андрей сбежал с лестницы и сел в машину. И когда он уже влился в проезжающий поток, у него зазвонил телефон. Он достал аппарат из кармана:

– Да, слушаю.

– Виктор Николаевич. Зяму взяли... алло

Андрей молчал, тяжело дыша. Зяма – это был Зямин, Семен Трофимович, надзиратель в «Лефортове», и ему было поручено убить Кирдина.

– Когда? – едва внятно проговорил Андрей в мембрану.

– Только что мне малява пришла из крытки. Наверное, уже часа два, как присел.

– Хорошо... Ничего не предпринимай, – и Андрей, с застывшим взглядом стал убирать телефон в карман.

Он никогда не поддавался страху, но сейчас ему стало жутко. И, закуривая, он сам видел, как дрожат в руке зажигалка и сигарета.

– Только без паники, – бормотал он, двигаясь в потоке. – Только без паники.

На следующий день Зямин получил от жены посылку, прямо из ее рук. И ночью тихо умер на своих нарах.

Утром Андрею позвонила Ольга.

– Что случилось, Витя? – говорила женщина и голос ее даже по телефону звучал взволновано. – Ко мне приходил следователь. Он спрашивал про тебя. Ты когда приедешь?

– Кто он?

– Что?

– Кто этот следователь? Как его звать?

– Что?

– Ну, он же представился тебе?

– Ну да.

– Кто он? Господи, умеешь ты говорить внятно!

– Не злись, – голос Ольги уже дрожал. – Это следователь прокуратуры по особо важным делам Никитин Константин... Дальше не помню. Он приходил не один. Витя, что...

Но ответом Ольги были звонки отбоя.

– Так, «Валет», ты меня достал, – сказал Андрей, пряча телефон в карман...

Маша Никитина, учившаяся в четвертом классе «Б» 78 московской школы, вышла в школьный двор вместе с одноклассниками. Прошло уже три года, как она лишилась матери, умершей при невыясненных обстоятельствах в больнице, где лечилась от бронхита. Девочка рано повзрослела и очень старалась стать для отца хозяйкой дома.

Ребятишки не спешили домой, взмахивали рюкзаками, гонялись друг за другом. Но девочка не ввязывалась в игру, а побежала вместе с подружкой к остановке. Тут от толпы проходивших мимо людей отделились двое крепких мужчин, схватили ее, подружки прямо в лицо брызнули нервно паралитическим газом из баллончика. Люди вокруг отшатнулись, а неизвестные, затолкнув девочку в синий «БМВ», умчались по свободному от движения переулку.

В милицию сообщили о происшествии только спустя двадцать минут, а через полчаса на рабочем столе следователя по особо важным делам городской прокуратуры Никитина

завонил телефон.

– Слушай меня, мусор, – говорил явно измененный голос. – Твоя дочь у нас, и ты ее получишь мертвой, если мы не договоримся.

– Кто ты? – Никитин еще не вник во весь ужас сказанного и говорил резко.

– Не задавай детских вопросов. Ты должен уничтожить уголовное дело Кирдина. Допер?

– Но...

– К вечеру ты получишь ее мизинец. Размышляй. И никаких ляпов.

В телефонной трубке раздались звонки отбоя. И тут только Никитин по-настоящему испугался. Лихорадочно он начал искать номер по определителю, но сработала блокировка.

Никитин был человеком быстрых решений, веривший в силу правоохранительных органов и непогрешимость закона. Он тут же доложил о происшествии начальству.

Домой он пришел только поздно вечером, чтобы переодеться и взять чистое белье. Он был не один – трое оперативников сопровождали его. В спальне за окном он увидел свешивающуюся коробку. Ее достали с большими предосторожностями, открыли. Там, в прозрачном целлофане лежал окровавленный маленький пальчик девятилетней девочки. И Никитин в первый раз в жизни схватился за сердце.

Ольга теряла голову от беспокойства. Мать уехала, Олегу она старалась ничего не говорить, чтобы не расстраивать его.

Наступил апрель. Пришла весна, и вместе с ней – время платить по счетам за первый квартал. А книжку с квитанциями она не могла найти и решила, что оставила на прежней даче. Там же оставалось кое-что необходимое ей: книги, фотографии. И Ольга, вызвав на дом платную няню, поехала в дачный поселок.

Дача была продана или обменяна, в этом Ольга не разбиралась. Новым хозяином стал какой-то депутат, и женщина надеялась, что он позволит забрать вещи.

Ольга уже не плохо водила машину, ей это неожиданно понравилось, и теперь она наслаждалась ездой по скоростному шоссе.

Массивные ворота дачи были открыты, значит хозяин – дома. Обрадовавшись такому обстоятельству, Ольга вырулила на подъездную дорожку, проехала по асфальту и остановилась на небольшой площадке возле крыльца, рядом с двумя другими машинами.

Двое парней во дворе направились было к ней, но остановились в нерешительности. Третий, закрывавший сарай, замешкался, повернулся, оставив дверь приоткрытой.

– Простите, а хозяин дома? – спросила Ольга, выходя из машины и даже не потрудившись вытащить ключ зажигания. – Где он? В доме?

И тут в щель двери сарая, присев, проскочила маленькая

молния в зеленой демисезонной куртке и, налетев, обхватила Ольгу за талию, прижимаясь к ней и дрожа. Маленькое личико со спутанной белокурой челкой обратилось к ней, и тоненький голос произнес, едва сдерживая плач:

– Тетечка, спасите, они меня убьют.

И тут Ольга увидела тоненькую бледную ручку с забинтованной кистью. Белый бинт местами загрязнился.

– Они уже отрезали мой мизинчик.

– Господи, кто же это сделал! – Ольга, сама перепугавшись, обвела взглядом троих парней и еще двоих, появившихся на крыльце. – Зачем вы это, а?

Она попятилась, парни шагнули к ней.

– Стойте. Вы не знаете, кто мой муж. Мой муж Виктор Дягин. Это раньше была наша дача. Я сейчас же позвоню ему, и он... я даже не знаю, что он с вами сделает.

Ольга прижимала девочку к себе и пятилась, пятилась, пока не налетела на свою собственную машину. Парни замерли, не двигаясь, и Ольга, воспользовавшись этим, втолкнула девочку в машину, села сама и, хлопнув дверцей, стала разворачиваться. Парни по-прежнему не двигались, и Ольга свободно выехала за ворота. Девочка, развернувшись всем корпусом, смотрела в заднее стекло и понемногу успокаивалась.

– Вот да! – пробормотал один из парней. – Догнать что ли?

– Да нам Дяга за свою жену кишки на шею наматает. Звони ему, его баба, пусть сам и разбирается.

Андрей, возвращаясь в Москву, подъезжал к Большому кольцу, когда зазвонил мобильный телефон по его личной линии. Включив его, он проговорил:

– Да... Да вы... Да!

Он, резко отключившись, развернулся. Завизжали тормоза, машину занесло, съехал с полосы встречный «Бьюик», и Андрей, выровняв ход, понесся назад к поселку, выключив радио, и пытаясь по мобильному телефону дозвониться до Ольги.

Она тоже попыталась позвонить ему, но на едва засветившемся экране показало: 1%, и появилась надпись: «Батарея разряжена».

– Кто ты? – спросила тогда Ольга девочку, смиренно сидевшую рядом с ней.

– Я – Маша Никитина.

– Что ты делала на даче?

– Меня похитили. Я шла из школы. Они закинули меня в машину, отобрали рюкзак с учебниками и тетрадями.

– Где твои родители?

– Мама умерла, а папа работает в милиции.

– Ты знаешь, где его найти? – Ольга решила не впутывать мужа. Она начала понимать, что произошло с девочкой.

– Я знаю его телефон.

И Ольга, вместо того, чтобы ехать по шоссе, свернула в райцентр, к почте.

...Андрей промчался по шоссе, не встретив знакомой ма-

шины, и свернул к дачному поселку...

– Алле, – говорила в трубку Ольга, – алле, следователь Никитин? Это вы?

– Дайте мне, дайте.

Девочка тянула руку, и Ольга дала трубку ей.

– Папа, папа, это я.

– Маша, где ты?

– На почте. Объясните ему, тетечка.

Ольга взяла трубку, поражаясь уму девочки.

– Мы находимся на почте, 24 отделение, здесь, где стоят телефоны.

– Я еду. Не уходите оттуда... Алло? Вас преследуют?

– Что? Нет, – Ольга растерянно оглянулась.

– Алло. Не уходите.

– Хорошо.

Ольга положила трубку и посмотрела на девочку.

– Что сказал папа?

– Он едет к нам.

– А успеет, как вы думаете?

– Конечно, успеет. Ты думаешь, за нами будут гнаться.

– Обязательно...

– Они уехали. Минут... Да сразу, как мы позвонили, – говорили парни, переминаясь перед Андреем.

– Куда? – Андрей медленно закипал.

– По шоссе.

– Здесь только одна дорога, идиоты. Куда она могла деться?

– Может свернула где.

– По машинам. Искать. Все перевернуть. Мы пропали, если не найдем девчонку. Но запомните – урою, если кто тронет мою жену.

Он сам поехал назад по шоссе. И увидел, как из Москвы, ему навстречу, промчались две легковые машины. Одну из них он знал, это была личная «Лада» Никитина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.